

*Моему мужу Стивену —
моей любви, моей жизни, моему учителю.
Я не знала, что потерялась, пока не нашла тебя.*

*Любовь не ведает своей глубины до тех пор,
пока не наступит час разлуки.*

Халиль Джебран

Пролог

Суббота, 19 ноября 1960 года

— *П*ожалуйста, отпустите меня, сэр.
Мне нехорошо.

Ребекка взглянула на сидящего напротив полицейского в очках с тонкой оправой, который уже два часа держал ее в комнате для допросов.

Детектив-инспектор Гиббс глубоко затянулся сигаретой с дешевым крепким табаком и выпустил густое серое облако дыма в и без того спертый воздух комнаты.

Ребекка посмотрела на свои руки. На тыльной стороне правого запястья она заметила крошечные брызги крови, принадлежавшей ее матери, и начала соскребать их ногтями. На ней по-прежнему была белая ночная рубашка, в которой она спала в ту ночь. Весь подол был покрыт кровавыми пятнами. Ей захотелось сорвать с себя одежду, нырнуть в ванну с головой и больше никогда не всплывать на поверхность.

— Мы почти закончили. Мне просто нужно прояснить еще пару деталей, прежде чем мы напечатаем ваше заявление.

Детектив-инспектор наклонился вперед, не сводя с нее своих черных глаз, и, потушив окурок в пепельнице, раздавил его пожелтевшим от никотина указательным пальцем.

— Пойду принесу вам воды.

Он встал из-за стола, и ножки его стула пронзительно заскрежетали по плитке пола, заставив Ребекку вздрог-

нуть. Она поспешила получше укутаться в колючее шерстяное одеяло. Ее трясло, ей было холодно. Очень холодно.

Дверь за детективом-инспектором захлопнулась. В глазах Ребекки защипало, и она взглянула на часы: было уже четыре утра. Она впервые не спала в такой поздний час. Конечно, иногда они вместе с Харви прятались ночью в бомбоубежище, боясь попасться на глаза ее разгневанному отцу, но обычно к полуночи его желание забыться с бутылкой виски уже брало верх над гневом.

Когда в их доме поднимался крик, Ребекка давала Харви сигнал, светя из окна спальни фонариком, и он бежал через кукурузное поле, а затем открывал крышку люка в бомбоубежище под их домом. К тому моменту она уже ждала его внизу. В эту маленькую подземную пещеру вел тайный ход, спрятанный в глубине шкафа под лестницей. Это убежище, созданное на случай, если немецкие солдаты вернуться, чтобы вырезать его семью, обустроил ее отец — а затем и наполнил запасами консервов, книг и свечей. Бесконечная паранойя, которая превратила жизнь Ребекки и жизнь ее матери в ад, совершенно случайно предоставила ей путь к спасению.

Ребекка сидела и наблюдала, как, тикая, двигалась секундная стрелка, и ход времени все дальше и дальше уносил то мгновение, когда она в прошлый раз видела мать. Нет, в *последний* раз. Она ясно помнила ту картину: мать, жадно ловящую ртом воздух; ее красивые губы, которые так часто целовали Ребекку; бледнеющую на глазах кожу, последний вздох ее матери — и ускользающую жизнь.

Тишина комнаты, наполненной табачным дымом, гулом отдавалась в ушах. Тело Ребекки было сковано усталостью, и все же мозг раз за разом проигрывал в во-

ображении ту сцену, которая предстала перед ней, когда она прибежала из спальни на пронзительные крики: на бледном ковре, из которого она так много раз выбивала пыль на залитом солнцем крыльце, лежала ее мать.

Ковер был окрашен кровью, вытекшей из ее ушей и носа. Ее глаза настолько заплыли от ударов, которые ей нанес отец Ребекки своим черным тяжелым ботинком, что она не могла разглядеть в дверном проеме собственную дочь.

— Итак, мисс Уотерхаус, — детектив-инспектор Гиббс захлопнул за собой дверь, заставив Ребекку вздрогнуть, — давайте повторим историю.

Казалось, что все это случилось с ней в прошлой жизни, а ведь всего несколько часов назад она лежала в кровати, и за окном бушевала гроза, пришедшая со стороны бухты Уиттеринг. Несмотря на одеяло, которое она взяла из дома, руки у нее дрожали от холода.

Она представила, как отец разжигает в камине огонь, бормоча что-то под нос и кашляя от поднявшейся пыли. Мама бы сидела рядом, и ее серые волосы были бы собраны в пучок. Вытянув ноющие от усталости ноги на табуретку, она бы наблюдала за действиями мужа, покорно ожидая, когда вместе с огнем неотвратимо вспыхнет и его гнев. Закончив с камином, отец бы взял из ящика стола ключ, подошел к закрытому шкафу и достал свой пистолет Люгера. Каждый понедельник он разбирал его и тщательно смазывал льняным маслом, говоря при этом жене:

— Не все мы можем позволить себе такую наивность, Гарриет. Мужчина должен быть готов защитить свою семью.

Ребекка чувствовала напряжение сквозь половицы. Стояла гробовая тишина; так случалось всегда, когда отец был не в духе. День не задался с того самого момента, когда ее родителей вызвали к директору. С тех

пор отец с ней ни разу не заговорил — только сказал, что завтра рано утром они уедут из Сивью и что Харви Робертса она больше никогда не увидит.

Тревожные мысли о друге вернули ее в настоящее.

— Пожалуйста, дайте мне увидеть Харви, — взмолилась она.

— Всему свое время. Мистер Робертс-младший доставил нам немало хлопот, и мы были вынуждены поместить его в камеру.

Ребекке снова стало дурно. Присутствие инспектора Гиббса подавляло ее. Он напоминал ей крыс, которые сновали между загонами с ягнятами на ферме. Зубы у него были желтые и острые, и даже кончики его густых черных усов при разговоре подергивались, как у крысы.

Девочка сглотнула подступивший к горлу ком, стараясь сдерживать слезы. Вскоре после того, как ее увели в комнату для допросов, она слышала, как в коридоре Харви плакал и звал ее. Полицейские стали кричать ему, чтобы он успокоился, и пригрозили посадить его на ночь в камеру. Харви бросился было колотить кулаками по двери, за которой держали Ребекку, но его крики становились все тише, пока его волокли прочь.

— А где отец Харви? Мне всего тринадцать. Разве со мной не должен быть взрослый? — голос Ребекки дрожал, и Гиббс бросил на нее суровый взгляд.

— Тед Робертс находится в состоянии алкогольного опьянения. Он сейчас даже своего имени не знает, поэтому, боюсь, он едва ли сможет чем-то вам помочь. Мы позвоним в социальную службу, как только откроется их офис, и вас возьмет под опеку государство.

— Что это значит? — спросила она, чувствуя, как ее охватывает паника.

Гиббс недружелюбно взглянул на нее.

— Это значит, что вас поместят в ближайший приют, а местные власти прикрепят к вам соцработника, который теперь будет за вас в ответе.

— Но я хочу жить с Тедом и Харви, — Ребекка уже не могла сдержать слез. — Пожалуйста, пустите меня в туалет, я правда нехорошо себя чувствую.

— Ну, чем скорее вы проясните некоторые детали произошедшего, тем скорее мы закончим.

— Но я вам уже рассказала все, что знаю. Пожалуйста, не надо еще раз.

Она не хотела вспоминать крик ее отца, прорывающийся сквозь раскаты грома и завывание ветра за окном. Рев, слышный даже на втором этаже, и тихий, нежный голос ее мамы, пытающейся его успокоить. Ребекка представила, как она тряслась от страха, явно предчувствуя, что именно должно было вот-вот произойти. Потом Ребекка услышала грохот в гостиной, ее сердце забилось еще чаще, в окно забарабанил ливень, и она накрылась одеялом с головой.

— В этот раз я все запишу, а секретарша напечатает, когда выйдет на смену. — Он вздохнул, выпуская облако дыма. — Скажите мне еще раз, что именно ваша мать сделала, чтобы так разозлить вашего отца сегодня вечером?

Ребекка со злостью смахнула слезу. Ее голова раскалывалась: она никак не могла объяснить этому мужчине, что значило жить с таким человеком, как ее отец.

— Она ничего не сделала. Он не ждал, когда мы совершим ошибку. Может, я где-то оставила карандаш, может, мама неправильно сложила полотенце. Мой отец страдает от военного невроза. Он какое-то время лечился в психиатрической лечебнице Гринуэйс, но так и не оправился до конца. У него ужасный характер, и даже малейший шум или раздражение могут вызвать у него приступ.

— И все же что-то особенное случилось сегодня и разозлило его, так? Вы упоминали, что прогуливали уроки.

Полицейский пристально смотрел на нее, держа руку наготове.

Ребекка закрыла глаза и погрузилась в воспоминания о предыдущем дне, когда она была совершенно другим человеком — маленькой девочкой, у которой была семья, которая сидела у кабинета директора, разглядывала оранжевый ковер с кружевными узорами и прислушивалась к голосам, звучащим за дверью.

— Дело в этом мальчишке, Робертсе, он оказывает на нее дурное влияние.

Директор говорил громко, и Ребекка могла представить, как он расхаживает по кабинету перед ее родителями, держа руки за спиной.

— Они живут на соседней ферме. Когда я лечился в Гринуэйсе, Тед Робертс дал моей жене работу. — Голос ее отца был тихим, как и всегда, когда они находились за пределами своего уединенного жилища. — В результате Ребекка и Харви выросли вместе. К сожалению, меня не было рядом, чтобы пресечь эту их привычку проводить чрезмерное количество времени вместе.

— Что ж, мистер Уотерхаус, на вашем месте я бы доверился своим инстинктам. Я-то думал, что Ребекка хочет добиться в жизни чего-то большего, но, боюсь, теперь ее устроит и жизнь жены фермера. Общение с этим мальчишкой оказывает пагубный эффект в том числе и на ее успеваемость.

— Успеваемость? — взволновано повторила мать. — Учеба для нее очень важна, ведь она хочет стать врачом... — Но тут же она замолчала, словно ей стало стыдно за свою несдержанность.

— Теперь поздно волноваться, Гарриет. Я предупреждал тебя об этих людях.

— Что ж, полагаю, амбиции большинства девушек отходят на второй план, когда они влюбляются, — сказал директор так, словно это было само собой разумеющимся.

— Влюбляются? — Отец все же повысил голос, хотя и старался этого не делать. — Ей тринадцать, ради всего святого.

— Могу я спросить, были ли у вас в последнее время проблемы дома? — осторожно поинтересовался директор.

— Никаких, не припомню, чтобы они были. А ты, Гарриет?

Ребекка затаила дыхание. Они обе знали, почему она прогуляла в тот день школу, почему так отчаянно хотела повидаться с Харви. Отец собирался увезти ее как можно дальше от «Сивью» и от Харви — от всего того, без чего она не смогла бы выжить.

Ее успеваемость упала не из-за Харви, а потому, что она устала постоянно жить в страхе, потому, что ее ночные кошмары сменялись только кошмарами наяву, и потому, что каждый день она ходила по тонкому льду. Ей было страшно заходить в комнату, если в ней был отец; до одиннадцати лет она писалась в кровать, боясь встать ночью в туалет, потому что она могла бы столкнуться в коридоре с отцом; она испытывала почти что облегчение, когда видела, как отец бьет мать, потому что ждать начала очередных побоев и не знать, когда же они начнутся, было куда более невыносимо. Каждый раз мать извинялась перед ним, оправдывала его, прикрывая окровавленный рот и пытаясь отмыть кровь с лица над керамической раковиной в их крохотной кухне.

— Почему вам вдруг захотелось сегодня уйти из школы без разрешения? — спросил детектив-инспектор Гиббс, возвращая ее в настоящее.

— Я пошла попрощаться с Харви, — тихо ответила Ребекка. Все ее тело уже трясло, у нее начинался шок.

— Перед вашим переездом? — Гиббс дождался ее кивка, прежде чем записать ее показания на бумаге.

— Он работает разнорабочим в психиатрической лечебнице Гринуэйс. У них ферма, на которой трудятся пациенты. Харви и его отец на неделе ходят в местный паб, и я знала, что не увижу его до отъезда.

Ребекка закрыла глаза и медленно выдохнула, пытаюсь побороть приступ тошноты.

— Влюбились, что ли?

— Тед и Харви для меня как члены семьи. Они приютили маму, когда я была совсем маленькой, когда отца поместили в Гринуэйс. Без их помощи мы бы оказались на улице.

Детектив-инспектор Гиббс медленно кивнул.

— И как вы добрались до лечебницы, после того как прогуляли школу?

— Я села на автобус.

Живот у Ребекки сводило от боли. Гигиеническая прокладка натерла кожу, и она была уверена, что ее пора сменить, но у нее с собой не было ничего, кроме ночной рубашки и пледа. Она ненавидела свое тело за то, что оно с ней делало — за грязь, за боль, и не только в животе, у нее ныла спина и сводило ноги. Она ненавидела волосы у себя на лобке, растущую грудь, которая все больше выступала и при этом побаливала. Она не хотела, чтобы ее тело менялось, она не видела в этом ничего хорошего. В то время как одноклассницы Ребекки уже хихикали, обсуждая вопросы брака и детей, мысль о замужестве наполняла ее ужасом.

— Никогда не выходи замуж, Ребекка, неблагодарное это дело, — прошептала ей мать однажды вечером, когда они чистили картошку к ужину. — Я отложила немного

денег на банковский счет для твоей учебы в медицинском. — Она выглянула в гостиную, где Джейкоб читал газету, и снова посмотрела на Ребекку. — Не нужно никому об этом говорить. Пообещай мне, что ты закончишь учебу, что бы ни случилось

Она вздрогнула, когда мать достала почтовый буклет из кухонного шкафа и вложила его ей в руки. Вечно царившее в доме напряжение, казалось, усилилось еще больше, и Ребекке отчего-то захотелось плакать.

— Пообещай мне.

— Обещаю.

Все началось в тот день, когда он вернулся домой из Гринуэйса. Маленькая Ребекка с удивлением смотрела на покрытое шрамами лицо отца, который не сводил с нее своих печальных глаз и натянуто улыбался.

— Почему, мамочка? Почему он кричит на тебя и делает тебе больно?

Комок в животе, который появился с приходом этого незнакомца, уже пагубно влиял на ее детское бесстрашие. Теперь везде, куда бы она ни пошла, за ней следовало черное облако. Теперь она больше всего на свете ненавидела оставаться с ним одной, теперь она пряталась за спиной матери всякий раз, когда он в дурном настроении выходил из спальни, глядя перед собой ничего не видящими глазами.

— Теперь дома все будет по-другому, солнце мое, потому что папе немного грустно и страшно после сражений на войне. Но ты должна быть рядом с теми, кого ты любишь, даже если они не так добры и милы с тобой, как тебе бы хотелось. Ему скоро полегчает.

Когда Ребекке было пять, та жизнь, которую она знала, кончилась. Беззаботная и веселая жизнь в их доме за одну ночь обернулась тюремным заключением. Постоянно звучащий смех, запах моря, доносимый легким ветром